

Из-за острой боли на руках Ци Хуайчжоу выступили вены. Он всё так же лежал ничком на земле, и даже принимая побои от противника, сохранял ледяное выражение лица и хранил молчание.

— Младший брат Чжоу по-прежнему так скучен.

Не дождавшись от Ци Хуайчжоу мольбы о пощаде, Ци Байцюань с явной скукой убрал ногу:

— Раз так, младшему брату лучше подумать, как исполнить приказ отца. Иначе твоя и без того хилая безглазая наложница-мать, боюсь, в один миг расстанется с жизнью.

Безжалостно усмехнувшись, Ци Байцюань вышел из главного зала, оставляя на безупречно чистом полу след за следом окровавленными белыми сапогами.

Ци Хуайчжоу долго лежал на холодном полу. Когда боль в теле немного притупилась, он с трудом заставил себя подняться и, шатаясь, побрел в сторону заднего двора.

Алые капли крови стекали по его руке прямо к кончикам пальцев, а затем падали на землю. Убравшиеся неподалеку младшие служанки при виде этого лишь брезгливо морщились: из-за того, что всю дорогу залили кровью, убирать потом придется им.

— Слышали? Говорят, наложнице Линь на заднем дворе снова хуже.

— И не просто хуже, слуги из заднего двора шепчутся, что на этот раз наложнице Линь не поздоровится, к ней теперь даже бояться подходить.

— С чего вдруг? Раньше никогда не слыхали, чтобы наложница Линь серьезно болела.

— Да вы просто не знаете. Наложница Линь от природы слабого здоровья, с прошлого года с наступлением зимы она слегала по меньшей мере раз шесть-семь. И ведь никто не звал ей лекаря, она всегда справлялась сама, стиснув зубы. А после этого приступа она беспрестанно кашляет, уже несколько дней ей никак не полегает, сейчас, сдаётся мне, она и с постели-то встать не может.

— Кашляет без остановки? Уж не чахотка ли у нее? А ведь эта болезнь заразная.

— То-то и оно! Вот слуги из внутреннего двора молодого господина Чжоу и боятся приближаться — все переживают!

— Тц-тц-тц, по мне так этот молодой господин Чжоу тоже человек несчастной судьбы. В клане Ци отец его не жалуется, старший молодой господин люто ненавидит этого младшего брата от побочной жены, а если вслед за этим не станет и наложницы Линь, молодой господин Чжоу,

боюсь...

Младшие служанки и кухарки обычно убирались во внешнем дворе и от нечего делать любили поболтать о всякой всячине. Видя, что разговор уже начинает заходить о хозяевах, одна из кухарок прикрикнула на них:

— Ну всё, хватит! Поболтали мимоходом — и будет. В конце концов, это дела господ, а если болтовню услышат девчонки из внутренних покоев, нам всем придется несладко.

Служанки мгновенно умолкли, больше не смея продолжать, и в мгновение ока разошлись по своим делам.

На заднем дворе царило уныние и запустение: все слуги куда-то спрятались. Ци Хуайчжоу, впрочем, до этого не было никакого дела, он на неверных ногах доплелся до своей комнаты.

Преодолевая боль в теле, Ци Хуайчжоу медленно стянул с себя одежду, присохшую к ранам. На его несравненно красивом лице не дрогнул ни один мускул: он походил на лишенного души марионеточного деревянного человечка, который не ведает ни радости, ни гнева, ни боли.

Из-за пинка Ци Байцюаня раны, оставленные хлыстом Ци Сяньчуня, сплошь покрылись нарывами и забились мелкой пылью. Ци Хуайчжоу взял кувшин с крепким вином и прямо полил им раны на плечах и спине.

Острая боль заставила вены на его лбу вздуться, а по лицу покатился холодный пот. Плотно сжав зубы и кое-как справившись с обработкой ран, Ци Хуайчжоу тяжело выдохнул.

Так проходил каждый из дней его десятилетней жизни в клане Ци: он был словно дикий зверь, которого Ци Сяньчунь пытался приручить кнутом и побоями. Лишь изредка, от скуки, Ци Сяньчунь выплескивал на него остатки фальшивой и никому не нужной отцовской любви.

Когда Цянди вторгнутся в Великое Ци, десятки тысяч простых жителей Ци окажутся под копытами их боевых коней и испытают такие же жестокие унижения от рук захватчиков, и среди них будут члены императорского рода Ци, которые ни за что не пожелают склонить головы.

Прошло еще больше десятка дней, прежде чем раны на спине Ци Хуайчжоу наконец начали заживать. Сидя в холодной и безмолвной комнате, он снова и снова, без усталости, протирал острие меча.

Всего за полмесяца состояние Линь Юэси ухудшилось еще сильнее, дело дошло даже до кровохарканья.

Слуги во дворе стали бояться подходить еще ближе, и даже ежедневную еду теперь просто

бросали за пределами маленького дворика, так что Ци Хуайчжоу приходилось забирать ее самому.

Ци Сяньчунь, разумеется, не знал, что Линь Юэси так тяжело больна, иначе он ни за что не позволил бы Ци Хуайчжоу и дальше жить с ней в одном дворе — в конце концов, этот сын от наложницы был ему еще очень нужен.

Меч сверкнул холодным блеском, скрываясь в ножнах, и только после этого Ци Хуайчжоу с холодным лицом достал из рукава небольшой свиток.

На свитке значилась всего одна цель. Запомнив написанное, Ци Хуайчжоу поднес к бумаге зажженную свечу и стал смотреть, как пламя медленно пожирает ее.

Наступила ночь. Ци Хуайчжоу отправился в комнату своей наложницы-матери. Линь Юэси исхудала до такой степени, что от нее осталась одна кожа да кости, и в ней больше не осталось ничего от прежней изящной и кроткой женщины.

Зажав во рту платок, она безостановочно кашляла. Услышав звук открывающейся двери, она попыталась окликнуть вошедшего, но из-за врожденной немоты не смогла издать ни звука. Внезапно охваченная паникой, она издала лишь резкий хрип, а в спешке задела стоявшую у кровати чашку с водой, и та со звоном разбилась о пол.

Ци Хуайчжоу замер на пороге. Последние дни он даже еду для наложницы оставлял у дверей, и раз уж наложница не желала пускать его внутрь, послушно стоял снаружи.

Глядя на кашляющую без передышки мать в глубине комнаты, Ци Хуайчжоу замер на пороге, сжимая рукоять меча:

— Наложница-мать, ни в коем случае не думайте о дурном. Как только я вернусь, то сразу заберу вас отсюда.

Лицо Линь Юэси из-за сильнейшего кашля густо покраснело. Наконец справившись с приступом, она лежа на боку посмотрела на сына в дверях и тяжело кивнула. Слезы медленно покатались по ее щекам, намочив большую часть подушки.

Она не станет делать глупостей. Пока в ней теплится хоть капля дыхания, она будет изо всех сил цепляться за жизнь. Мать лучше всех понимает своего ребенка, и если она сейчас оставит его одного, Цжоу, боюсь, просто сойдет с ума. Она хотела прожить подольше, хотела быть рядом с сыном, пока он не женится и не заведет детей...

Дождавшись ответа наложницы, Ци Хуайчжоу простоял у порога еще очень-очень долго. Лунный свет серебрился на его одежде, и лишь когда послышался едва слышный шорох сдвигаемой черепицы, он тихо прикрыл дверь и растворился в ночной темноте.

В резиденции инспектора советник Чэн всё еще сидел за рабочим столом, склонившись над бумагами. Жена заглянула к нему, чтобы передать пиалу с целебным отваром, постояла над душой, пока муж не выпил всё до последней капли, и, сделав ему еще несколько мелких наставлений, забрала пустую посуду и вышла из кабинета.

В последние дни советник Чэн случайно вышел на след лазутчика Цянди. Чтобы не спугнуть добычу, он вел за ним долгую слежку и наконец смог обнаружить целую сеть шпионов, внедренных Цянди в Великое Ци.

В последние годы Цянди не оставляли попыток поглотить Великое Ци, то тут, то там то и дело раскрывали их шпионов, но каждый раз расследование заходило в тупик и спускалось на тормозах.

Из-за этого советник Чэн не находил себе места от тревоги, ночами напролет копаясь в стопках документов. Человек прежде утонченный и мягкий, он осунулся и теперь выглядел точь-в-точь как скитающийся бродяга.

Ночной ветер пробирал до костей. Советник Чэн поднялся, чтобы закрыть окно, но не успел он повернуться, как к его горлу приставили холодное лезвие.

— Кто ты такой? — советник Чэн испытал сильнейшее потрясение, никак не ожидая, что в резиденцию инспектора сможет пробраться убийца.

— До меня доходили слухи, что советник Чэн любит народ как собственных детей, и за какие-то три-четыре года в Юньчэне успел заслужить всеобщую народную любовь.

Голос убийцы был глухим и чуть хриплым, а меч в его руке непоколебимо замер у самой шеи советника, не дрогнув ни на йоту.

Сердце советника Чэна пропустило удар. Он догадался:

— Ты шпион Цянди? Не боишься, что, убив меня, тебе все равно не уйти из этой резиденции?

— А если я пришел вовсе не за тем, чтобы лишить советника жизни?

Тон убийцы прозвучал странно, заставив советника Чэна поднять на него взгляд:

— Что это значит?

— Мои предки, как-никак, тоже стяжали себе славу на службе. Если я убью хорошего чиновника, который печется о народе, боюсь, попади я на тот свет, пращуров станут по очереди учить меня уму-разуму.

Холодный блеск меча мелькнул в темноте, срезав прядь волос советника Чэна, после чего убийца вернул клинок в ножны.

— Впрочем, у цзянху свои законы: платят монетой — изволь избавить человека от напасти. И если я сегодня отпущу советника Чэна, это вроде как тоже не по правилам.

Советник Чэн прекрасно знал боевые навыки стражи своего дома — они вряд ли смогли бы одолеть клинок этого человека. Поэтому, когда наемник убрал оружие, он не стал звать на помощь, а спросил прямо и строго:

— Чего ты хочешь?

Убийца спокойно уселся в кресло советника Чэна и бросил на него косой взгляд:

— Я хочу заключить с советником Чэном сделку: я не убиваю тебя, а ты помогаешь мне кое в чем. Когда дело выгорит, я обеспечу советнику головокружительный взлет по карьерной лестнице.

Прошло уже больше половины месяца, а Цзян Ли все никак не мог дожждаться возможности снова превратиться в Сюэну. В этот период Император, как он и предполагал, зачастил таскать его в кабинет для нотаций.

Цзян Ли чувствовал, что от такого количества забот у него просто раскалывается голова: перед ним снова разыгрывалась сцена того, как его фальшивый папаша до хрипоты спорит о государственных делах с министрами.

Неужели в этом мире и впрямь существуют императоры и сановники, которые способны превратить столь опасные отношения монарха и подданных в дружбу не разлей вода? Иначе почему эта банда чиновников способна с вытянутыми шеями и побагровевшими лицами препираться с Императором с таким жаром?

Цзян Ли пребывал в растерянности. Он знал лишь одно: если он пробудет в кабинете еще хоть немного, его мозги точно взорвутся. Но сбежать из этого императорского кабинета было некуда, оставалось лишь тупо пялиться в одну точку и притворяться прежним неразумным дурачком.

Вдоволь поупражнявшись в красноречии, закатив министрам форменную истерику и в конце концов успешно заставив всех их умолкнуть, Император стряхнул с одежды несуществующие пылинки и вновь обрел подобающее владыке суровое и величественное выражение лица.

— Дорогие министры так долго обсуждали это дело, должно быть, в горле пересохло. Садитесь-ка все, выпейте горячего чая.

Едва Император отдал приказ, евнухи тут же вошли внутрь с чашками чая.

Следом Император перевел взгляд на него:

— Интересно, что думает об этом А-Ли?

Погруженный в задумчивость Цзян Ли был насильно возвращен в реальность. Только что Император обсуждал с министрами систему отбора талантов. В прошлых династиях существовала система номенклатурного отбора и система девяти рангов. Теперь же, в Великой Ци, Император ради лучшего подбора кадров явно не желал следовать устаревшим порядкам предков.

Цзян Ли, глядящий на мир с плеч гигантов истории, растерянно моргнул. Простите, но его познания в истории оставляли желать лучшего, однако он отлично помнил, как учитель истории рассказывал о различных изъянах обеих систем.

В мире, где он жил раньше, в ходе исторического развития от обеих систем постепенно отказались, заменив их единой системой императорских экзаменов.

Услышав вопрос Императора, министры разом устремили взгляды на Цзян Ли.

В этот момент у Цзян Ли едва не началась социофобия. Он хотел было что-то невнятно промямлить и замять тему, но, переведя взгляд на полное надежды лицо фальшивого папаши, подумал: раз уж в оригинальном сюжете главный герой мог присвоить себе чужие исторические достижения, то он, пожалуй, тоже может тайком вставить палки в колеса главному герою.

И тогда Цзян Ли неуверенно произнес:

— Раз уж обе эти системы не устраивают уважаемых господ, почему бы нам не придумать новую? Точно так же, как дети в ваших семьях проходят проверки во время учебы, двор тоже может учредить собственную экзаменационную систему для Великого Ци. В ней смогут участвовать все простолюдины, а отбор будет идти снизу вверх, слой за слоем, вплоть до самого Шэнцзина...

У министров буквально загорелись глаза. В этот момент их озарило с такой силой, будто пелена спала с глаз. Верно! Какая бы система ни существовала, ее создали предшественники, так почему же они, будучи недовольны готовым, не могут установить собственные порядки?

Чиновники один за другим поднялись со своих мест и отвесили Цзян Ли глубокий поклон:

— Ваше Высочество мудры! Ваши слова словно озарили нас божественным светом.

В глазах Императора тоже на миг мелькнуло удивление, после чего он разразился громким смехом:

— Хорошо! Не зря ты мой сын!

Цзян Ли почувствовал себя еще более не в своей тарелке. Дождавшись, пока министры снова сгрудятся вместе для дальнейших споров, он быстренько нашел предлог и улизнул из кабинета.

Импульсивность — это зло. Вернувшись в Восточный Дворец, Цзян Ли принялся из стороны в сторону, туда-сюда шагать по своей спальне, пока наконец в полном унынии не рухнул на широкую кровать.

Стоило ему лечь, как его снова накрыло с головой упавшее платье:

— Мяу-мяу~

Похоже, он снова превратился в Сюэну.

<http://bllate.org/book/21171/2144744>